

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

**КРАСНАЯ АРМИЯ И ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»:
ОЖИДАНИЯ И ПРОСЧЕТЫ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАРЕЛИИ
В 1920-е ГОДЫ¹**

В культурном контексте раннесоветского периода российской истории идея воспитания «нового человека» была одной из самых значительных. Идеологическим фоном такого воспитания оставалась милитаризация 1920-х гг., во многом предопределившая превращение этой плодотворной идеи в разновидность авторитарного вмешательства государства во все стороны жизни армии и общества в целом. Предыдущая публикация автора, подготовленная на материале воинских частей, дислоцированных в Олонецкой губернии во время Гражданской войны и сразу после ее окончания, показывает, как армейские и флотские политико-просветительные органы справлялись с задачей «перевоспитания» вчерашних крестьян, из которых в подавляющем большинстве состояли Рабоче-крестьянская красная армия (РККА) и новый Красный флот². В продолжение этой темы представляется целесообразным проследить, насколько успешной оказалась такая деятельность к концу первого послереволюционного десятилетия и каковы были результаты военного строительства в Автономной Карельской Социалистической Советской Республике (АКССР) во второй половине 1920-х гг.

По наблюдениям американского исследователя М. Хагена, средством, позволяющим понять цели и методы политического образования, становится выявление тех ценностей, которые с точки зрения политической элиты считаются необходимыми для усвоения военными служащими³. Военная реформа М.В. Фрунзе 1924–1925 гг., призванная после

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

² Дубровская Е.Ю. От войны к миру: красноармейцы в годы Гражданской войны и в раннесоветский период истории Карелии // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2019. Вып. 7. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=16> (дата обращения: 29.04.2020).

³ Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State. 1917–1930. Ithaca; London, 1990.

кратковременной демилитаризации общества в период нэпа восстановить утраченный высокий статус Красной армии и ее боеспособность в целом, положила начало военизации гражданского населения страны⁴.

В системе политической учебы красноармейцев с октября 1924 г. Политуправлением РККА (ПУР) были введены вместо прежнего политчаса ежедневные двухчасовые политзанятия, проводившиеся по четко разработанной двухлетней программе. Тремя главными ее столпами стали «милитаризация, советизация и интернационализация», среди которых первая занимала наиболее важное место⁵.

Программа ставила целью добиться усвоения личным составом необходимого объема общественно-политических знаний. Несмотря на упрощения, продиктованные тогдашними общественными, политическими и культурными условиями, программа, по утверждению ее авторов, основывалась на лучших традициях научного марксизма и революционной практики. В течение всего первого года подготовки шло превращение вчерашнего призывника-крестьянина в советского бойца, имеющего ясное представление о Красной армии как «армии нового типа», ее задачах, организации и истории. Вопросы политического образования связывались с чисто военной тематикой, а изучение двухгодичной программы подкреплялось милитаризацией всей повседневной деятельности⁶.

Военные события осени 1921 – зимы 1922 гг. в Российской Карелии, ставшие частью «малой Гражданской войны» и одним из звеньев в цепи крестьянских восстаний в Советской России 1920–1922 гг., имели особенности, связанные с пограничным положением края и национальным составом населения⁷. В 1924 г. призыв лиц, достигших призывного возраста (1902 г. р.), в Карелии не производился, за исключением членов РКП(б). И хотя докладная записка республиканского ГПУ в обком партии отмечала «вполне доброжелательное отношение к Красной армии со стороны "туземного

⁴ Бочков Е.А. Когда на армии приходилось экономить... Экономические аспекты военного строительства в СССР в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 2–7; Добровольский В.С., Шпаков Г.Г. Военная подготовка в гражданских вузах в СССР в 1924–1944 гг. // Там же. 2020. № 3. С. 40–45; Реформа военная 1924–25 // Военная энциклопедия в 8 т. М., 2003. Т. 7. С. 223.

⁵ Hagen M. Op. cit. P. 276.

⁶ Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. М., 1981. Т. 1. С. 315–324.

⁷ Этническая родственность карелов и финнов и обретение Финляндией независимости в декабре 1917 г. вызывали, с одной стороны, активизацию карельских сепаратистских настроений, а с другой – стремление правящих кругов Финляндии присоединить территорию Восточной (Российской) Карелии. См. об этом: Гусев К.В. К истории Карельского мятежа // Отечественная история. 1996. № 6. С. 77; Йокиппи М. Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» 1918–1922 гг. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 328; Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. 1921–1941 гг. Петрозаводск, 1999; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 329; Lackman M. Jahvetti Moilanen – läskikapinan johtaja: Poliittinen elämäkerta (1881–1938). Oulu, 1993. S. 41–44.

населения"»⁸, участие советских войск в подавлении восстания на севере Карелии на долгое время оставило след в отношении жителей приграничья к красноармейским частям и погранотрядам. В 1920-е гг. их встречали здесь настороженно, а порой и открыто неприязненно⁹.

18 сентября 1925 г. советское правительство приняло Закон об обязательной военной службе. Однако граждане северных территорий АКССР – Ухтинского района, Поросозерской, Ребольской, Ругозерской, Кимасозерской волостей Кемского уезда – как экономически слабых волостей, «пострадавших от бандитизма» во время вооруженного конфликта в Карелии зимой 1921–1922 гг., согласно постановления президиума Карельского обкома от 20 мая 1923 г. были до 1926 г. освобождены «от отбывания воинской повинности» по политическим соображениям. В отношении граждан других территорий республики, освобожденных от призыва на пять лет, члены президиума обкома А. Нуортева, Э. Гюллинг, И. Ярвисало и З. Денисов пришли к мнению, что «в дальнейшем от военной повинности их освободить нет никакой необходимости, за исключением Кемского и Ухтинского уездов и нескольких волостей»¹⁰.

Новым в военном строительстве 1920-х гг. стало комплектование национальных формирований, которое проводилось на основе решений XII партийного съезда 1923 г. Пленум Реввоенсовета СССР, состоявшийся в ноябре 1924 г., выдвинул условие сохранения полного единства Вооруженных сил страны и потребовал, чтобы все национальные формирования строились, управлялись, обучались как и Красная армия в целом. Специально созданная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским разработала пятилетний план национального строительства, который был одобрен Советом Труда и Оборона (СТО) и утвержден III съездом Советов СССР 16 мая 1925 г.

В 1925–1926 гг. формировались стрелковые и кавалерийские дивизии на Украине, в Грузии и Узбекистане, в Казахской, Туркменской республиках, стрелковые и кавалерийские полки – в Бурят-Монгольской, Башкирской, Таджикской, Татарской, Якутской АССР. К весне 1925 г. национальные формирования составляли не более 10% от общей численности РККА¹¹.

Вопрос о создании карельского национального батальона впервые обсуждался весной 1924 г. высшими партийными и советскими органами республики, которые сочли его организацию целесообразной, но из-за финансовых затруднений вопрос был отложен. Вернувшись к нему в декабре того же года на президиуме Карельского обкома ВКП(б),

⁸ Неизвестная Карелия. С. 55.

⁹ См., напр., сводки политотдела Каррайона и военных частей за 1922 г. (Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 63; Д. 64. Л. 58, 60–62 и др.).

¹⁰ Там же. Д. 216. Л. 76, 131.

¹¹ Ващенко П.Ф., Рунов В.А. Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 38; Мальцев Н.А. Кадровая или милиционная? (О принципах комплектования советских Вооруженных Сил) // Там же. № 11. С. 39–40.

секретарь областного комитета партии И.А. Ярвисало сослался на ухудшение как международной обстановки, так и внутривосточной ситуации в Финляндии и на попытки соседней страны привлечь внимание мировой общественности к «карельскому вопросу». Теперь формирование национальной части представлялось руководству Карелии гораздо более актуальным, учитывая, что «военная служба была бы хорошей политической и практической школой для карельской молодежи, которая отвыкает от этого». Однако бюджет республики вновь не позволил профинансировать новое начинание, и создание национальной части было отложено еще на год¹². Отдельный карельский егерский батальон, сформированный в Петрозаводске 15 октября 1925 г., состоял из трех стрелковых и одной пулеметной роты, имел взводы разведчиков, связи, артиллеристов, саперов, хозяйственную команду и команду музыкантов¹³.

Существенной стороной военной реформы 1920-х гг. стало строительство Красной армии на основе смешанной системы вооруженных сил, сочетавшей кадровые и территориально-милиционные формирования. Переменный состав территориальных частей («переменники») не отрывался надолго от работы в промышленности или сельском хозяйстве и проходил подготовку в течение нескольких месяцев в году в местах комплектования частей. Кадровыми оставались части в войсках пограничных округов, в военно-морских силах, артиллерии и некоторых специальных службах, связанных с эксплуатацией сложной боевой техники. В 1925 г. КарЦИК и начальник территориального управления АКССР ходатайствовали перед Ленинградским военным округом (ЛВО) о том, чтобы все граждане Карелии проходили действительную военную службу на территории республики в формируемых национальных кадровых частях, а в территориальные части зачислялся бы «оставшийся контингент»¹⁴.

Общесоюзный принцип комплектования частей Красной армии предписывал направлять «через человека в кадровую часть, а остальных – в переменный состав территориальных частей». В соответствии с этим в 1926 г. из 863 призывников-карелов в кадровые части попали 431 чел., а в территориальные – 432 чел., из 937 русских – 468 чел. в кадровые и 469 чел. в территориальные части¹⁵. Излишек русского пополнения из уроженцев бассейна Онежского озера и Поморья предполагалось отправить в Балтийский флот, где в дореволюционное время часто проходили службу жители территорий, хорошо знакомые с рыбацкой промысловой деятельностью. Высшее партийное и советское руководство республики рекомендовало принять во внимание «русскую национальность указанной группы, а равно и их вероятный интерес к службе во

¹² НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

¹³ Веригин С.Г., Лайдинен Э.П. Карельская егерская бригада // Карелия. Энциклопедия. Петрозаводск, 2009. Т. 2. С. 30.

¹⁴ НАРК.Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 90.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 57–59.

флоте» и на этом основании содействовать зачислению этнических русских на флот «в порядке добровольчества». В начале марта 1926 г. бюро Карельского обкома ВКП(б) рекомендовало партийной фракции Президиума КарЦИК настаивать на проведении мероприятий, касавшихся призыва граждан на территории республики в Красную армию, считая принципиально необходимым «не разделять призывного контингента для службы в кадровых войсках вне Карелии, за исключением принятого решения о призыве во флот»¹⁶.

Основные представления о революции, социализме, народовластии военнослужащие получали от армейских политических инструкторов, уверенных в том, что «свободно говорить, писать, в армии особенно, нам еще не пришло время, надо быть осторожными»¹⁷. Бывшие солдаты мировой и Гражданской войн, осуществлявшие в 1920-е гг. воспитание красноармейцев, предпочитали подчинение и издание приказов демократическим дебатам, процедурам выборов и терпимости к суждениям, отличным от общепринятых¹⁸. Это же отличало и обстановку в армейских и флотских партийных организациях. «Идея внутрипартийной демократии внутри Красной армии значительно изменяется, – разъяснял циркуляр республиканского партийного руководства о работе в погранотрядах Карелии в 1925 г., – в зависимости от чего не всегда бывает уместно выносить на партсобрания вопросы, которые в гражданских партиях подлежат общему обсуждению коммунистов». Особенное внимание не без основания предписывалось уделять повышению авторитета командира, однако, устраняя при этом всевозможное проникновение «гражданских уклонов»¹⁹.

Один из участников 3-го делегатского партийного собрания пограничников, проходившего весной 1925 г. в с. Ухта (совр. пос. Калевала), с беспокойством констатировал, что «беспартийщина нас начинает перерастать»²⁰. Участники 5-го делегатского партсобрания Ухтинского погранотряда с тревогой отмечали «упадочные настроения» и среди коммунистов-пограничников: «тот или иной член партии, горя желанием покинуть дебри Карелии, делается расхлябанным, бросает работу и т. п.». «Упадочные настроения» рядовых, по докладам с мест, иногда выражались в умышленной порче и без того скудного инвентаря», особенно когда красноармейцы получали известие о переводе на другую заставу. Шла речь о «плохом отношении к суконному обмундированию», о недостатке внимания к сбережению конского состава, «пережившего гражданскую войну»: «уход плохой, у растяпы-красноармейца лошадь всегда побита»²¹. В 1925 г. между Ухтинским уездным исполкомом, уездным комитетом

¹⁶ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 57–59.

¹⁷ Там же. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 23–24.

¹⁸ Хаген М. Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 57.

¹⁹ НАРК. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 50.

²⁰ Там же. Л. 21.

²¹ Там же. Д. 210. Л. 5, 8–10.

партии, возглавлявшимся Ю. Матеро, и начальником 1-го погранотряда Н. Лысовым велась переписка по поводу нарушений общественного порядка военнослужащими отряда²².

Тезисы о задачах партийной работы в погранохране ОГПУ ЛВО, датированные 1926 годом, предписывали парторганизации, «принимая во внимание случаи упадочного настроения и самоубийства среди начальствующего состава», направить усилия на «улучшение внеслужебного быта начальства». Вся работа с беспартийными должна была иметь целью «создание здорового политико-морального состояния» и содействовать «пресечению явлений его нарушающих: пьянство, разгильдяйство, расхлябанность, самоубийства и т. д. и т. п.». Однако особенно тревожившими политическое руководство армии оставались «крестьянские настроения», пагубно, с его точки зрения, воздействовавшие на красноармейцев. Пополнение личного состава пограничных войск за счет крестьянской молодежи в связи с принятием Закона об обязательной военной службе расценивалось как фактор, усложнявший условия работы: «Пришедший в погранохрану молодняк, в связи с общим оживлением активности всех слоев населения СССР, более культурен, предъявляет повышенные требования и гораздо более активен, чем раньше. Но активность эта часто идет по нежелательному для нас пути, т. к. молодняк этот не испытал на себе тягот буржуазно-помещичьего режима, не прошел школы гражданской войны, а большую часть своей сознательной жизни прожил в нэповском периоде деревни. Выражением вредного проявления активности являются, главным образом, крестьянские настроения»²³.

Планом проведения кампании 1927 г. по призыву граждан в ряды РККА по Карельской республике уполномоченным, агитировавшим среди крестьянского населения, предписывалось «связывать все вопросы с интересами крестьянского хозяйства». Необходимо было устанавливать непосредственную зависимость этих интересов «от судьбы СССР и мощи Красной армии», всеми мерами предотвращая всевозможные кривотолки, провокационные слухи среди допризывников и жителей края. «Популяризация Красной армии, – подчеркивалось в документе, – должна идти по линии разъяснения ее задач как школы боевой подготовки трудящихся». В то же время ответственных за проведение призывной кампании предостерегали от «идеализации жизни и быта Красной армии и неверного освещения дисциплины в РККА»²⁴.

Примечательно, что в систему ценностей советского новобранца должно было входить «изживание остатков рекрутчины» среди призывников, подразумевавшее отказ будущего солдата и его родных от векового традиционного для российской деревни ритуала проводов крестьянина на «государеву службу». По наблюдениям историка

²² НАРК. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 34.

²³ Там же. Д. 206. Л. 21.

²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 104. Л. 24.

В.П. Булдакова, предстоящее исполнение воинского долга психологически приближало «человека земли» к власти, всем следовало уважать самый процесс перехода в это новое качество, и дореволюционный призывник долго и демонстративно «гулял» на глазах у «понимающей» общины²⁵.

В число лозунгов, предлагавшихся циркуляром Политуправления РККА (ПУР) в преддверии призывной кампании 1927 г., были включены и такие: «Новобранец царской армии заливал вином страх перед палочным режимом царской казармы. Новобранец Красной армии должен вести себя как подобает сознательному защитнику рабоче-крестьянской страны»; «Рабоче-крестьянское правительство не оставляет без помощи семьи красноармейцев». Составители плана проведения призывной кампании обращали внимание на то, что встречавшееся в практике предшествовавших призывов «грубое, упрощенное противопоставление дисциплины царской и Красной армии» создавало порой у призывников неверное представление о действительной службе в рядах РККА, и Красная армия рисовалась их воображению «как школа общественно-политического воспитания, где кроме того, можно получить какую-либо специальность, а не место боевой подготовки трудящихся»²⁶.

Как отмечалось, служба в армии способствовала повышению общеобразовательного уровня деревенской молодежи, особенно если принять во внимание ее возросшую в 1920-е гг. тягу к обучению. Это становилось одним из стимулов к прохождению действительной службы наряду с желанием получить в обществе более высокий моральный статус защитника Страны Советов, улучшить благосостояние собственное и своей семьи, а также получить возможность вступления в партию и подготовки к военной карьере как респектабельной профессии послереволюционного политического строя²⁷.

По итогам призыва в Красную армию, вопрос о котором заслушало бюро Карельского обкома ВКП(б) в декабре 1927 г., в качестве положительного факта было отмечено «отсутствие среди призывников моментов старой рекрутчины (пьянство, дебош и т. д.)». Это свидетельствовало, как записано в приложении к протоколу заседания, о том, что населением и призывниками задачи Красной армии и необходимость обороны СССР в основном поняты во многом благодаря «усилившейся работе по разъяснению и пропаганде вопросов обороны Советского Союза», что и подтверждается «большим наплывом добровольцев и отсутствием случаев симуляции». В основном было признано удовлетворительным и политико-моральное состояние демобилизовавшихся из рядов РККА, несмотря на «имевшие место случаи пьянства, вызывающего поведения и угроз»,

²⁵ Булдаков В.П. Имперство и российская революционность. (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 22.

²⁶ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 104. Л. 24, 25.

²⁷ Hagen M. Op. cit. P. 158.

главным образом, в адрес младшего командного состава, такие случаи называли «единичными явлениями»²⁸.

В перечень лозунгов, предусмотренных циркуляром ПУР для проведения призывной кампании 1927 г., включались и такие: «Через национальные части Красной армии трудящиеся укрепляют Советскую власть», «Трудящиеся Карелии, укрепляйте мощь Красной армии, усиливайте связь с национальными частями Карелии», «Только власть Советов обеспечивает свободное развитие отдельных народов и национальностей»²⁹. Однако и в пределах Карелии, даже в частях местного формирования, призывникам приходилось сталкиваться с проблемами, связанными с этнической принадлежностью красноармейцев. В повседневной жизни Карельского егерского батальона (КЕБ), численностью приблизительно в 650 чел. по штату мирного времени³⁰, который объединял жителей Карелии, проходивших срочную службу на территории республики, наблюдались случаи искажения принципов национальной политики, провозглашенной советским государством, и отступления от «интернационализации» как одной из важнейших задач подготовки красноармейцев³¹.

В 1927 г. из-за участившихся нареканий в адрес КЕБ Карельский обком неоднократно рассматривал вопрос о состоянии батальона. По сведениям, приведенным в докладе начальника территориального управления АКССР Зусмановича, в нем насчитывалось 567 чел. рядовых красноармейцев, в том числе 368 карелов, 193 русских и 6 финнов (по социальному составу – 516 крестьян, 37 рабочих и 14 служащих, среди них 17 членов и кандидатов ВКП(б) и 140 комсомольцев). Младший комсостав по этнической принадлежности тоже в подавляющем большинстве был карельским: 80 карелов, 29 русских, 6 финнов, в их числе 93 крестьянина, 11 рабочих и 1 служащий (84 членов ВЛКСМ)³². Между тем среди командиров батальона, возглавляемого Э. Матсоном, преобладали «красные финны» (60%)³³. Это были эмигрировавшие в Советскую Россию участники гражданской войны в Финляндии, первоначально служившие в 164-м (6-м) финском полку Красной армии и, как правило, получившие профессиональное образование в Интернациональной военной школе в Петрограде³⁴. Из

²⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 105. Л. 44, 46.

²⁹ Там же. Д. 104. Л. 25.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 59–62, 87.

³¹ Там же. Д. 102. Л. 38, 73, 126–127; Неизвестная Карелия. С. 119.

³² НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 69.

³³ *Филимончик С.Н.* Карельская автономия в составе РСФСР в годы нэпа // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2019. Вып. 7. С. 26. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=16> (дата обращения: 28.03.2020).

³⁴ Еще в 1923 г. президиум Карельского обкома принял решение удовлетворить просьбу Центрального бюро Финляндских организаций в Петрограде о направлении в эту школу 25–30 курсантов, карелов по национальности. Связанными с КЕБ оказались судьбы десятков «красных финнов», посвятивших себя

50 командиров среднего и старшего комсостава и политсостава на долю финнов приходилось 30 чел., 11 чел. были русскими и лишь пятеро карелами (в том числе 32 рабочих, 6 крестьян, 1 служащий; среди них беспартийные оставались в явном меньшинстве: 26 коммунистов, 12 кандидатов в члены партии и 5 комсомольцев)³⁵.

Начальник управления территориального округа АКССР упомянул о «создававших антагонизм» фактах проявления национальной розни между красноармейцами КЕБ, вызванных «неправильными взаимоотношениями между русской частью батальона и карельской». Как следовало из доклада Зусмановича, «среди русской части создано мнение о засилье кареляков», «один из егерей в пьяном виде угрожал устроить побоище кареляков и был арестован командиром батальона»³⁶. Подобные же случаи нарушения дисциплины русскими егерями (которые обращались к сослуживцам с призывом: «2-я рота, помощи, карелы бьют!») отмечены и в докладной записке ГПУ АКССР в ОГПУ ЛВО в конце марта 1929 г.³⁷ В числе просчетов руководства батальона, способствовавших «созданию антагонизма», Зусманович назвал назначение в русскую по национальному составу роту командира взвода, не говорившего по-русски. Шла речь и о неодинаковых дисциплинарных взысканиях, которые накладывались на карелов и русских за одни и те же проступки («за появление в пьяном виде карелы арестовываются на 10 суток, тогда как русские на 20»)³⁸.

18 марта 1927 г. в резолюции бюро обкома по докладу о состоянии КЕБ отмечалось, что «организация батальона как национальной части», которая предоставила трудящимся Карелии «возможность участия в общей работе по обороне СССР», «целиком и полностью себя оправдала». Принимая во внимание его «политическое значение и его роль как базы советской работы среди карельского населения», были даны рекомендации для устранения недостатков, вызвавших обсуждение вопроса о положении дел в батальоне на самом высоком партийном уровне республики³⁹.

Специальная комиссия, весной 1928 г. изучившая обстановку в батальоне, подтвердила, что у русских красноармейцев 2-й роты, преимущественно из рыбаков и рабочих, действительно сложилось «мнение о засилье карелов». Оно основывалось на том, что комсостав из «красных финнов», близкий по языку карельскому населению, «разговаривает с красноармейцами карелами на их родном языке». Однако факт «ущемления прав русских красноармейцев» не подтвердился, а из бесед с ними выяснилось, что «карел так же греют (наказывают. – Е.Д.) как и нас». Комиссия пришла к

военному делу профессионально. Среди них М. Куконоя, А. Лайне, Я. Саволайнен, Э. Ояла, чьи автобиографии хранятся в Научном архиве Карельского Научного центра РАН.

³⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 69.

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Неизвестная Карелия. С. 119.

³⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 73.

³⁹ Там же. Л. 77.

заклучению, что «антагонизма на национальной почве в батальоне нет, а есть предубежденное отношение красноармейцев 2-й роты к карелам, якобы, занимающим привилегированное положение в батальоне»⁴⁰.

Заслушав результаты работы этой комиссии, бюро обкома постановило «провести цикл занятий с комсомольцами, а также со средним и младшим комполит составом по вопросам теории и практики национальной политики». Сочли целесообразным «определить для обучения по-русски» вепсов и красноармейцев из Южной Карелии, в большей степени владевших русским языком, в то же время, «имея в виду приобщение к финскому языку», в течение трех месяцев проводить «обучение языкам и письменности» вновь призванных, чтобы «облегчить усвоение комплексной программы» политзанятий, рекомендованных ПУР. Командир батальона должен был «обеспечить применение надписей на двух языках», армейскому и республиканскому руководству предлагалось приобрести для библиотеки батальона пособия и необходимую литературу на финском языке, а партийной фракции финноязычного издательства «Кирья» в Петрозаводске следовало подготовить «необходимый минимум» популярной литературы «из жизни и быта Красной армии на финском языке»⁴¹.

Несмотря на принятые постановления органы ГПУ в 1929 г. по-прежнему отмечали недостаточную разъяснительную работу командования батальона среди красноармейцев по национальному вопросу. «В некоторых случаях это разъяснение принимает крайне нездоровую и уродливую форму, большинство докладов в клубе делается на русском языке», а на просьбы перевести их содержание егеря-карелы получают ответ, что «некогда, не стоит разъяснять на двух языках». «В результате такой "национальной политики", – говорилось в докладной записке, – красноармейцы-карелы за последнее время совсем перестали посещать не только комсомольские, но и общие красноармейские собрания». В документе упоминается и о том, что один из старших учителей батальона во время внепрограммных занятий с красноармейцами по теме «Национальный вопрос и его практическое применение» устроил обсуждение сепаратистского лозунга «Карелия – карелам (до конца на 100%)». Авторы записки расценили это как подтверждение «недопонимания со стороны политсостава КЕБ», насколько важно разъяснять «сущность национального вопроса»⁴².

Резкое осуждение со стороны партийного руководства встретило проявление творческой инициативы егерей КЕБ, которые в 1927 г. организовали «под видом делегатских собраний» беспартийно-красноармейскую конференцию, создали «без надлежащего на это права» и без ведома управления территориального округа, а также без предварительной регистрации в Политсекретариате республиканского военкомата,

⁴⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 126.

⁴¹ Там же. Л. 127.

⁴² Там же. Д. 365. Л. 40.

общество «Карельский медведь» и «Общество друзей книги». В последнее, по уставу организации, могли входить «все сочувствующие коммунистической партии и советской власти егеря и начальствующий состав»⁴³. При батальоне были созданы свой театр и клуб, партийная организация не должна была вмешиваться в решение вопросов армейской жизни⁴⁴. Неудивительно, что любое несанкционированное свыше начинание красноармейцев, а тем более «излишняя самостоятельность» командиров-финнов, вызывали противодействие.

В 1930 г. руководство батальона просило командующего войсками ЛВО направить для укомплектования КЕБ до 100 чел. тверских карелов из Тверского и Бежецкого округов и «националов Северо-Западной области, главным образом, из рабочих». Предусматривалось увеличить рабочую прослойку среди «переменного состава» (призывников срочной службы. – *Е.Д.*), но не за счет снижения «процента националов в батальоне»⁴⁵. В декабре 1931 г. в докладе командования Карельской егерской бригады, развернутой на базе КЕБ осенью 1930 г., вновь отмечались «непонимание практического осуществления национальной политики и недостаточная разъяснительная работа среди красноармейцев», особенно среди тверских карелов⁴⁶.

При подборе кадров младшего комсостава предписывалось строго соблюдать «классовость», ни в коем случае не допуская «проникновения зажиточных элементов в военные школы», как это еще случалось вопреки решению пленума РВС СССР «о насыщении школы рабочим, батрацким и бедняцким ядром»⁴⁷. Однако в армии и на флоте руководители высшего ранга должны были создавать профессиональный офицерский корпус, вводить более твердую и последовательную дисциплинарную политику, чем та, что сохранялась со времен Гражданской войны. Военнослужащие воспринимали это как возобновление муштры и установление чрезвычайно жесткой дисциплины, применявшейся в строевой подготовке старой армии.

Как подчеркивал один из видных советских политработников, караульная служба, команды «огонь», «вольно» и тому подобное «выполняют в нашей армии ту же роль, что и в царской армии, исполнение команд, система военной субординации, приказы и рапорты, психологические и физические качества бойцов, способность действовать как часть единого целого – эти характеристики лежат в основе военной организации в целом, независимо от классовой основы, на которой построены вооруженные силы»⁴⁸.

Между тем военное руководство Карелии, воодушевленное лозунгами об армии нового типа с абсолютно отличной от прежней организацией, приводя примеры

⁴³ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 74.

⁴⁴ *Филимончик С.Н.* Указ. соч. С. 26.

⁴⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 424. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Д. 527. Л. 110.

⁴⁷ Там же. Д. 349. Л. 69–79.

⁴⁸ *Король М.* Вопросы военно-политического воспитания в Красной армии. М.; Л., 1927. С. 23–24.

нетактичного отношения части комсостава, особенно младшего, к егерям КЕБ, упоминало как раз о «муштровке красноармейцев». «Введение в программы обучения красноармейцев моментов, не отвечающих программам уставов Красной армии, увлечение обучением отданию чести, приему "смирно", не согласное с уставом и заимствованное из армий буржуазных стран», «случаи команды "кругом" с приказанием снова прийти», когда «некоторым командирам казалось, что красноармеец, войдя, недостаточно щелкнул каблуками», – все эти приметы старой армии весной 1927 г. были обнаружены в пулеметной роте и в штабе КЕБ комиссией по обследованию батальона⁴⁹. Таково одно из последствий воздействия советской индоктринации на армейскую повседневность, вызывавшего обратную реакцию.

В обком партии поступали сообщения о распространившихся среди красноармейцев негативных настроениях, которые возникали из-за плохих жилищных условий в Карелии, невыплат проездных денег во время отпусков и недостатка количества и ассортимента продуктов в кооперативных магазинах, обслуживавших военных, особенно в пограничной полосе. По свидетельству комиссии, было обнаружено два анонимных письма с жалобами егерей: «Недовольны жизнью и бытом казармы, обозлены против комсостава. Если пойдем воевать, то командиры получают первую пулю». Подобные настроения отмечались наряду с проявлениями «вполне сознательного» отношения красноармейцев к международной обстановке в связи с возникшей напряженностью в отношениях СССР с Китаем и Великобританией. Факты налетов на советское посольство в Пекине, а затем в Лондоне «вызывали в красноармейской среде бурю самых искренних возмущений без обычных "закидаем шапками", красноармейцы тверды и вполне здраво рассуждают, что уж если придется драться, то будем драться как львы», – заключали авторы документа. Некоторые из военнослужащих делали отчисления от своего заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену»⁵⁰.

Сталинская группа в правительстве стремилась использовать тезис о военной угрозе для окончательного устранения с политической арены своих оппонентов. Апелляция к «чрезвычайному» уровню внешней опасности, закреплённая в декабре 1927 г. XV съездом ВКП(б), открывала возможность легитимировать чрезвычайные методы управления страной. Важную роль в определении отношения к проблеме военной угрозы сыграл состоявшийся в конце июля – начале августа 1927 г. пленум ЦК и ЦКК партии, который, исходя из теории неизбежности войн в период империализма, признал историческую необходимость войны капиталистического окружения с СССР и ее вероятность в ближайшем будущем⁵¹.

⁴⁹ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 72, 75, 124.

⁵⁰ Там же. Д. 97. Л. 21 об.

⁵¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 4. С. 175.

К середине 1930-х гг. с подготовкой к будущей войне напрямую была связана и коллективизация. Массовые репрессии против крестьянства в 1927 – начале 1928 г. стали результатом стремления власти быстро получить хлеб для городов, вступивших в индустриальный бум, и безуспешных попыток выиграть соревнование с частником экономическими средствами. «Аграрный уклон» был изобретен еще накануне XIV съезда партии, провозгласившего в конце 1925 г. курс на индустриализацию. Борьба с «уклоном» направлялась против сторонников принципа равновесия между промышленностью, сельским хозяйством и внешней торговлей, которые настаивали на ускоренном развитии сельского хозяйства и увеличении экспорта сельхозпродуктов для нужд индустриализации⁵².

Весной 1929 г. в резолюции бюро Карельского обкома по докладу командования о положении дел в КЕБ отмечалось, что за политико-моральным состоянием и настроением егерей необходим контроль ввиду «хлебных затруднений и усилившейся вследствие этого передачи крестьянских настроений в казарму через письма и личное общение»⁵³. «Хлебные затруднения», ощущавшиеся в 1929 г. в Карелии в полную силу, давали о себе знать руководству КЕБ многочисленными докладными записками егерей, которые ходатайствовали о прибавлении хлебной нормы членам их семей, иногда на основании того, что родным красноармейцев совсем была прекращена выдача хлеба. Уроженцы Беломорской и Южной Карелии просили либо оказать семьям материальную помощь, либо освободить их от службы в армии. Воздействие на карельскую деревню через красноармейцев КЕБ предполагалось осуществлять путем бесед с военнослужащими о посевной кампании. После таких бесед егеря должны были в письмах домой ориентировать родных и знакомых «на увеличение посевов и рассказывать о путях увеличения урожая». Однако в ходе бесед о лесозаготовках выяснялись сомнения егерей в достоверности сообщений официальной печати: они считали, что «заработки там меньше, чем о них пишут»⁵⁴.

На протяжении 1920-х гг., особенно начиная с 1925 г., Политическое управление армии осуществляло широкомасштабную программу по подготовке кадров для сельских и административных аппаратов. Одной из задач деятельности КЕБ стала подготовка инструкторов дорожно-мостового строительства в Карелии, ведь армия приобщала военнослужащих к технике и давала первые навыки в ее использовании. А уже в 1929 г. «национальную бедняцкую батрацкую часть батальона» предполагалось использовать для

⁵² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 202–223; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 133–150; Осокина Е.А. За фасадом сталинского «изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 47–53; Письма во власть: 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 558.

⁵³ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 325. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Д. 349. Л. 69–79.

«выращивания из нее кадра национального пролетариата», в частности, закрепляя демобилизованных на только что построенном бумажном комбинате в г. Кондопога⁵⁵.

В феврале 1931 г. секретариат Карельского обкома, подчеркнув исключительно важную роль КЕБ в подготовке национальных кадров для отраслей социалистического строительства, указал парторганизациям правления Кареллеса, Карелдортранспорта, Карелколхозсоюза на невнимательное отношение к подготовке работников этих учреждений из состава егерей. Было предложено немедленно связаться с командованием батальона и Наркоматом просвещения, которому вменялось в обязанности составить план занятий курсов по подготовке работников для советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций, а также Мурманской железной дороги⁵⁶.

Демобилизованных из армии в конце 1929 – начале 1930 г. призывали к участию в коллективизации и создании красноармейских колхозов в пограничной полосе, а на севере Карелии – специальных «красных лесных колхозов»⁵⁷. Однако эти колхозы, возникшие в 1931–1932 гг., не оправдывали своего назначения. В феврале 1935 г. управление НКВД по Карельской АССР проинформировало обком партии о политическом и экономическом положении пограничных районов республики. Составители докладной записки вынуждены были признать, что данные о состоянии красноармейских колхозов на середину 1930-х гг. говорят о «глубоком прорыве» в их организации и существовании, который «граничит с неизбежностью развала и дискредитации их политического значения»⁵⁸. Как и многие начинания большевистской власти, эта попытка проведения экономических преобразований в стране при помощи военных, прошедших «школу мужества», наталкивалась на несоответствие замыслов руководства страны хозяйственным реалиям жизни северной деревни.

По справедливому заключению немецкого исследователя С. Плаггенборга, стремление организаторов революционного переустройства российского общества создать лучший и справедливый мир предполагало, что само понятие «новое» будет обозначать иное, более совершенное качество: новым был экономический порядок, учреждения и институты, календарь и правописание. В новую элиту должны были войти воспитанные победившим политическим режимом военные, тем более что большевистским проектам «всегда был присущ функциональный аспект, будь то труд, военная служба или перепись населения». Отметив препятствия, которые вставали на пути такого функционального использования «новых кадров», подготовленных для изменения доставшегося в наследство старого мира, исследователь справедливо подчеркнул

⁵⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 58; Д. 325. Л. 7 об.

⁵⁶ Там же. Д. 536. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 546. Л. 68, 120; Д. 687. Л. 35; *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). Петрозаводск, 1997.

⁵⁸ *Неизвестная Карелия.* С. 233–235.

следующее: «вместо того, чтобы производить экспериментальные преобразования действительности», новая власть оказалась перед необходимостью «сохранить сами основы жизни в чрезвычайных условиях»⁵⁹.

В заключение нужно отметить, что далеко не все нормы и ценности, предлагавшиеся в качестве первостепенных для воспитания советских военнослужащих, к концу 1920-х гг. по-настоящему утвердились в армейской повседневности.

Двухгодичная программа политучебы, разработанная ПУР в 1924 г., несмотря на упрощения, продиктованные общественными, политическими и культурными условиями, основывалась, по утверждению ее авторов, «на лучших традициях научного марксизма и революционной практики». Основной задачей обучения ставилось обеспечение должной боеготовности и высокого морального уровня военнослужащих. Мероприятия политико-просветительной работы имели целью «воспитать красноармейцев в духе уважения к входящим в СССР народам». На местах они находили воплощение в установках, подобных резолюции бюро карельского обкома 18 марта 1927 г. о состоянии КЕБ: «батальон, являясь национальной частью, должен больше всего из-за смешанного его характера выпячивать интернациональное воспитание»⁶⁰.

В действительности же это оставалось весьма далеким от осуществления. Подобным образом обстояло дело и с вопросами общеобразовательной подготовки бойцов. Несмотря на поступавшие в вышестоящие инстанции рапорты о полной ликвидации неграмотности среди военнослужащих, в августе 1932 г. бюро Карельского обкома отмечало неудовлетворительное выполнение этого партийного постановления райкоммами и органами наркомата просвещения⁶¹. Вошедший в состав развернутой в Карелии Отдельной егерской бригады КЕБ претерпел постоянную смену командиров, кадровые чистки начала 1930-х гг. и прекратил существование осенью 1935 г. в связи с расформированием этой национальной бригады и репрессиями офицеров – бывших «красных финнов». Многие из них стали жертвами сфабрикованного особым отделом Ленинградского военного округа (ЛВО) дела «о заговоре финского генштаба»⁶².

⁵⁹ *Plaggenborg S.* *Revolutionskultur.* Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 3, 345; *Плаггенборг Ш.* *Революция и культура: Культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма* / пер. с нем. СПб., 2000. С. 31–32, 83–93.

⁶⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 77.

⁶¹ Там же. Д. 681. Л. 58.

⁶² *Веригин С.Г., Лайдинен Э.П.* Указ. соч. С. 31; *Кангаспуру М.* *Финская эпоха Советской Карелии* // *В семье единой: Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-западе России в 1920-е – 1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 138–140; *Репухова О.Ю.* *Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба»)* // *Политическая история и историография. (От античности до современности).* Петрозаводск, 1996. С. 85–99; *Такала И.Р.* *Судьбы финнов в Карелии* // *Вопросы истории Европейского Севера.* Петрозаводск, 1991. С. 98–103.

В период между мировыми войнами психологическое состояние людей характеризовалось постоянной готовностью к непрочности достигнутого мира и ожиданием внезапного нападения извне. Любое послевоенное общество неизбежно отравлено войной, и ее психологические последствия не менее важны, чем экономические, политические или социальные. На основании собственного недавнего опыта и под воздействием советской индоктринации в 1920–1930-е гг. психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – «человека сражающегося», особый психологический тип, который возникает в предвоенные годы, в массовых масштабах порождается во время войны и продолжает существовать в течение довольно продолжительного срока после ее окончания⁶³.

Советское общество, сформировавшееся в 1920–1930-е гг., специалисты характеризуют в связи с присущим ему самосознанием как межвоенное. Весь период строительства национального воинского формирования в Карелии – Отдельного карельского егерского батальона – был отмечен укреплением именно такого типа общественного сознания.

⁶³ *Сенявская Е.С.*: 1) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; 2) Человек на войне: опыт исторической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8–9, 15.